П. Н. ПЕТРОВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

ИЗДАТВО З. И. ГРЖЕБИНА
МОСКВА
1922

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

П. Н. ПЕТРОВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Ю. АЙХЕНВАЛЬДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
З. И. ГРЖЕБИНА
МОСКВА
1922

Р. Ц. № 661. Москва. Тир. 2000.

7-я типография М. С. Н. Х. (б. Мамонтова).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я написал предисловие к первому сборнику П. Н. Петровского «Невольные песни», и мне же хочется сказать несколько слов и о новой его книжке, которую он назвал «Последние песни».

Напрасно он так ее назвал: от песни зарекаться нельзя—тому, кто обладает внутренним даром певучести. А Петровскому она именно свойственна, и он не может не петь, не сопровождать своей жизни и мысли несложной, но задушевной, красивой и приятной песнью. Она звучит у него чистым лирическим звуком, который навевает на слушателей желанные воспоминания о Фете, о Гейне, о Верлэне; она проникнута нежной элегичностью, и слышится в ней усталое, задумчивое, но светлое сердце. Наступил для поэта меланхолический

вечер жизни, и «лунными посеребрениями» покрылась ее дорога, и уже стелются кругом прохладные тени, и уже запущен парк старинной усадьбы. «Здесь моря нет», нет уже Балтийского моря, которое некогда «сочувственно» шумело и пенилось «сапфирно-изумрудными валами»,—но шум его «не молкнет в раковине уха»: кто однажды слышал море, тот уж никогда его не забудет, и кто однажды жил, для того навсегда сохранится эхо пережитого. Вот оно осталось и для автора «Последних песен», так как он был вдумчивый слушатель моря, заинтересованный участник жизни. Это ничего, что волны морские и волны житейские теперь отодвинулись в туманные дали прошедшего, и у потухающей печурки приветствуешь «горечь сладкого угара и тихий сумрак полусна», и уже умчал любимую женщину паровоз в одном из «послушных» ему вагонов, и побледнели краски, и воцарилась вокруг и в тебе «безмолвно-мудрая тишина», и в больнице на одре недуга «сквозь сон мелькает покрывало — сестры иль смерти, как узнать?»,—это ничего. Ибо ласки послед-

них, уже отсчитанных для седого поэта весен, и умиление молитвы в сельском храме, куда «ветки белые жасминов с воли просятся в окно», и сладость музыки, которая звучит, когда «высоко поднято крыло как ворон черного рояля», и ночь, которая роняет «огненные зерна», сеет «звезды-семена», и воспоминания первой и не только первой любви, «любви далекие зарницы»— все это не улетело, все это еще пригревает утомленную душу и не позволяет ей состариться, и не дает потухнуть человеческому костру.

... В самое тихое и стройное сердце вторгаются диссонансы истории; и пусть это само по себе трагично, но лирика отсюда только выигрывает, потому что она, как в мелодиях Петровского, обогащается от этого лишней нотой грустного и музыкального недоумения. Поэзии все на потребу, и это хорошо показал, между прочим, и старый певец последних песен.

Ю. Айхенвальд.

1921 г.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/posledniepesni008800

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

1916—1921

Памяти отца.

Искусный шахматистъ, надъ шахматной доскою
Забыться ты хотѣлъ отъ шумной суеты,
Но нѣтъ забвенья здѣсь, и съ тою же тоскою
Того же я ищу, чего искалъ и ты.

М. Чемерзов

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Медленно кружатся белые мухи,
Серое небо так странно в апреле,
Черные ветки все в тающем пухе...
Мнится,—то вишни в цвету облетели.

Вербы наивные,
Бело-пушистые;
Звоны призывные,
Помыслы чистые.

Вздохи весенние,
Сердце ущербное...
О, Воскресение,
Милое, Вербное!

Чахлый сквер в полусонном расцвете,—
Чуть пробилась трава меж камней...
Бледнолицые, тихие дети,
Даже в играх, не стали шумней.

Кто-то рявкнул на быстром моторе,
И пахнуло бензином слегка;
А над крышами, в синем просторе,
Лебедями плывут облака.

Зазвучала шарманка венгерца,
Со двора, несказанной тоской...
О, мотивы избитые сердца
И бессилье весны городской!

В БОЛЬНИЦЕ.

1.

Под стоны длительные муки
Уснуть палата не могла;
Но вот внимательные руки
Коснулись влажного чела...

И тише стали вдруг мученья,—
Пришло забвенье на заре;
И вздох глубокий облегченья
Немым ответом был сестре.

2.

Стучит под утро мостовая,
И кашля приступы сильней...
Проснулись вяло, не вставая,
Томясь однообразьем дней.

Сквозь сон мелькнуло покрывало—
Сестры иль смерти, как узнать?..
А новый день глядит устало
На опустевшую кровать.

Весны мы так ждали,—
И вот уж пришла...
Лиловые дали,
Зеленая мгла.

Весенние краски
Нежней акварели,
Подснежников глазки
Так сини в апреле.

Березки так белы,
Так мрачны грачи...
Целуя несмело,
Молчи.

РАССВЕТ.

Лучи зари еще не грели,
Сквозисто-белый месяц стыл;
Под звонких жаворонков трели
Багровый диск лениво всплыл.

Встречали день в восторге пьяном,
Скрипя в траве, коростели;
Тянуло клевером медвяным
И крепкой свежестью земли.

Там, где розы вздыхают душистые,
Помечтать мы с тобою сошлись;
Облака уплывают перистые
В незабудочно-светлую высь.

Вся на солнце усадьба старинная,
Плачут горленки целые дни,
Вдаль уводит аллея нас длинная,
Но мы медлим в прохладной тени.

Пруд в кувшинках, сияющих золотом,
Васильковая дремлет вода;
В огороде, давно уж неполотом,
На свободе растет лебеда.

Нам привольно здесь в парке запущенном;
Не глядишь ты совсем на меня,
Но я вижу во взоре опущенном
Светотень уходящего дня.

В окна льется вечерняя мгла
Под певучие звуки рояли;
Злая музыка душу прожгла,—
В ней так много печали.

Только в вазах пылает герань
Так призывно, так радостно-ало...
Красотой ты мне сердца не рань,—
Это сердце устало.

Цепляя веслами кувшинки,
Плыву. Как синий лед, вода;
Белеют лютики-снежинки
Над гладью сонного пруда.

В их тонком запахе миндальном
Есть горечь грусти о былом,
И та же грусть—и в звоне дальном,
И в этих ивах над прудом.

Один, и грустный и счастливый,
Плыву я в лодке. Ни души.
И только, молча, плачут ивы,
Да что-то шепчут камыши.

Сельский храм. Все окна настежь.
Запах ладана и трав...
Прочь, рассудок,—ты мне застишь,--
Я молюсь, ребенком став.

Та молитва не о хлебе,
А о чем—не знаю сам...
Вторят жаворонки в небе
Здесь поющим голосам.

Суету забот покинув,
Сердце радостью полно...
Ветки белые жасминов
С воли просятся в окно.

Спала с глаз моих завеса,—
Я постиг бессилье слов...
Как похож на вздохи леса
Этот гул колоколов.

День знойный дымно догорел,
Земля под пеплом серой пыли...
От золотых, палящих стрел
Еще дороги не остыли.

Я в гору медленно иду —
Горячий щебень режет ноги —
И терпеливо ночи жду,
И верю: близок путь отлогий.

С мечтой несбыточной вдвоем —
Встречаю сумрачные тени,
И лунных жду посеребрений
Всего, что так докучно днем.

Утомленно-спокойное что-то
В доцветающем августе есть;
Уж коснулась листвы позолота—
Грустной осени ранняя весть.

Небо глубже, бледней и светлее,
Все прохладней прозрачные дни...
Мы в прощально-шумящей аллее,
В смутных сумерках, бродим одни.

Ночь придет, и в огнях звездопада,
Звездной пылью усеянный путь
Уведет нас из темного сада
В светлый мир—от земли отдохнуть.

КОНЦЕРТ

Высоко поднято крыло
Как ворон черного рояля;
Над белой залой так светло
Всплывают звуки, не печаля.

«Сонет Петрарки» и «Вдали»
Так чужды солнечному зною,—
Все краски яркие земли
В них скрыты снежной белизною.

К звенящим далям пианист
Ушел от черно-белых клавиш...
Блестящей музыкой, о, Лист,
Сердец ты все же не расплавишь!

ЗИМНЕЕ.

Ветра лютого порывы
Металлически-остры;
С белой стужей спорят живо
Дымно-жаркие костры.

Смертью дышит мрак суровый,
Но не ведом сердцу страх:
Тлеют искры жизни новой
В догорающих кострах.

Под пеплом тлеющие чурки,
Воздушно-синий огонек...
У потухающей печурки
День отшумевший так далек.

•

Ворчливый чайник. Струйки пара.
На окнах иней. Тишина.
О, горечь сладкого угара
И тихий сумрак полусна!

Вина пьянее дух весенний
Смолисто-клейких тополей,
И вновь душа самозабвенней,
И вдохновенней, и светлей.

Она—и в этом птичьем хоре,
И в этих нежащих лучах,
И в зеленеющем просторе,—
Где тонет самой смерти страх.

БЕССМЕРТИЕ.

Хрусталик упал многогранный
С высоко висящего бра,
И радужный зайчик—так странно —
Пропал вдруг под звон серебра.

Но солнца лучи не пропали,
Хоть красочной нет их игры,—
И реют, незримые, в зале,
И льются в иные миры.

В МОСКВЕ.

Нигде нет голубей. Лишь, каркая,
Кружат вороны надо мной;
Иду, как все, бессильно шаркая,—
Полуголодный и больной.

Уходят в высь дома-развалины
Внушая безотчетный страх;
Деревья точно ветром свалены
В обеззаборенных садах.

А там над горестной столицею,
Изнемогающей от ран,
В бесстрастном небе—хищной птицею —
Парит, гудя, аэроплан.

Базар шумит. И брань, и ссоры.
Перегруженные воза...
Гляжу в печальные озера—
Безмолвной лошади глаза.

Толпе озлобленно-жестокой
В них кроткий теплится укор...
И сердце так же одиноко,
Как этот безответный взор.

Цвет яблонь розовато-бел,
Как снег вершин в лучах рассвета...
А я весной так ослабел,
Что вряд ли доживу до лета.

Здесь моря нет, но шум его
Не молкнет в раковине уха...
Ах, если б знать мне,—для чего
Я прожил так темно и глухо?!..

Страданья голода все злее,
С простым народом их делю;
И деревенское «жалею»
Мне ближе стало, чем «люблю».

Любви утонченная нежность
Ушла в пережитую даль...
А впереди—лишь неизбежность
Разлуки с тем, чего так жаль.

BERCEUSE.

Пение виолончели,
Милых сияние глаз...
Музыки светлой качели
Тихо баюкают нас.

Струны нежнее запели,
Глажу я руку твою...
Спи, как дитя в колыбели,
Баюшки, баю, баю.

Чего-то жду неутомимо
И слышу сквозь мечты и сны,
Как жизни шум проходит мимо
Безмолвно-мудрой тишины.

Нет чувств нежней и заповедней
Тех, что не выразишь ничем...
Окончив свой напев последний,
Уйду в себя и буду нем.

Из книги

«НЕВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ»

1885—1915

Моему другу-жене.

Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной—и последней, может-быть...

А. А. Фет.

НАЧАЛО ЗИМЫ.

Дочери.

За эту ночь с прощальным плеском
Застыл последний вздох волны,
И первый снег ответил блеском
На блеск задумчивой луны.

Природа мрачная, как в сказке,
Посеребрилась в ночь одну...
Открой же заспанные глазки
И подойди скорей к окну:

В морозном утреннем тумане,
Бледнея, стынет солнца луч,
И на серебряные ткани
Ложатся тени зимних туч.

Хоть сердце мое по тебе исстрадалось,—
И нет на любовь мне ответа,
Но ты над страданьем моим не смеялась,—
Спасибо тебе и за это!

Пусть сердце твое не затронуто мною,
Мое зато сердце согрето
И полно любовью к тебе неземною...
Спасибо тебе и за это!

Когда-то мне счастие близким казалось,
И ждал на любовь я ответа...
Теперь же лишь память о прошлом осталась,—
Спасибо тебе и за это!

ТОСКА.

Я сыт, одет, ничем не болен,
И жизни дань, как все, плачу...
Доволен я и не доволен,—
Хочу я жить и не хочу.

Ни наслаждений, ни страданий
Я не испытывал пока,
И гложет сердце мне тоска—
Желанье смутное желаний.

НОКТЮРН.

В месячном блеске,—как мрамор бела,—
Стройных берез колоннада
Нас незаметно с тобой увела
В глубь задремавшего сада...

Ночью, вся в белом, при бледной луне,
Кажешься ты изваяньем;
Вижу тебя я , быть может, во сне,
Лунным обманут сияньем.

Светлые призраки реют во мгле,
Белыми вея крылами...
Друг мой любимый, с тобой на земле
Те же мы призраки сами!..

ПОРТРЕТ.

Капризное дитя и женщина больная,—
На все отзывчива и всем раздражена,—
Изменчива, как тень, как облако, сквозная,
Сиянием души проникнута она.

Ей немощную плоть страданье утончило,
Но на лице ее румянец не погас,
И искрится души надломленная сила
В бездонной глубине ее печальных глаз.

Хоть веру в счастие зовет она обманом
И с жизнью чувствует мучительный разлад,
Но гордо голова ее над стройным станом,
Под тяжестью косы, откинута назад.

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ.

1.

Иду на берег я отлогий
По влажно-бархатным пескам,
И волны падают мне в ноги,
Ласкаясь к нежным берегам.

Шумит и пенится холодный
Сапфирно-изумрудный вал;
А там челнок в пустыне водной
Вот показался, вот пропал!..

И в сердце те же все порывы
И тот же неумолчный шум,—
Любви приливы и отливы,
И волны беспокойных дум.

2.

Белый песок бархатистый,
Шумного моря простор,
Стройной сосны золотистой
Вечно-зеленый убор.

Дюны,—высокие дюны,
Приступы ласковых волн...
Друг мой, о друг ты мой юный,
Ждет нас у берега челн!..

Душу баюкает море,
Манит безбрежная даль...
Медлишь ты с грустью во взоре:
Вижу,—земли тебе жаль!..

Словами высказаться сердце не посмело,
И я чего-то ждал... Сгущалась ночи мгла...
Лишь море сонное сочувственно шумело,
А ты немых небес безмолвнее была...

Но вежд опущенных, чуть дрогнули ресницы,
И в темные, как ночь, вгляделся я глаза:
Сверкали в них любви далекие зарницы,
И к сердцу близилась весенняя гроза...

ОТ'ЕЗД.

От платформы, вздыхая, ушел паровоз
С вереницей послушных вагонов...
Мы расстались ночью без видимых слез,
И никто не слыхал наших стонов.

Только где-то вдали изумруды огней
Отвечали мелькнувшей надежде,—
Только темная ночь стала вдвое темней,
Да тоска—беспросветней, чем прежде.

ХРИЗАНТЕМА.

Кудрявятся волос запутанные пряди,
Цветущей хризантемы вьются лепестки;
Росинки на цветке, и слезы в грустном взгляде,
И холод осени, разлуки и тоски...

Любовь прошла, как сон... С тобою уж не те мы,
И вянут локоны, спадая на виски;
Осеннего цветка, кудрявой хризантемы,
Поблекли нежные, как бархат, лепестки.

Привыкнув к холоду разлуки,
Живем так счастливо мы врозь,
Что я боюсь, чтобы для муки
Сойтись нам снова не пришлось.

И вот с предчувствием тоскливым
Свиданья ждем мы и не ждем...
Нет! чем в разлуке быть счастливым,
Уж лучше мучиться вдвоем.

В ГОСТИНОЙ.

В гостиной нет гостей; как позабытый храм,
Она молчит и жаждет восхищенных взоров.
Лишь я один брожу бесшумно по коврам
И тайну разгадать стараюсь их узоров...

Здесь тонкий вкус сквозит в изящной простоте
Старинной мебели и хрупкого фарфора,
А бронза прочная в холодной красоте
Смеется надо всем, что блекнет слишком скоро.

Сквозь толстые драпри дневной чуть брезжит свет,
И тень сгущается под веером латаний,
И те,—кого уже давно на свете нет,—
Живут, воскресшие, во мгле воспоминаний...

И кажется тогда, что ты сейчас войдешь
И тронешь клавиши забытого пьянино,
И, слушая тебя, столпится молодежь,
И музыка всплывет над дремлющей гостиной

Нашел я в прелестях весны
Восторг животный вожделенья,
Нескромность солнца, ложь луны
И чуть заметный запах тленья.

Мне надоели соловьи,
Спать не давая до рассвета —
И только памятью любви
Душа усталая пригрета.

КОБРА.

В глаза опаловые кобры,
В белесоватую их муть,
Где брезжит огонек недобрый —
Так жутко было заглянуть.

К себе тянула глубь забвенья
В зрачках загадочных змеи;
Свивались медленные звенья
Блестяще-серой чешуи.

Раскрылась пасть, мелькнуло жало...
Мне жизни призрачной не жаль,
В истоме сердце задрожало,
Змея, обвей меня и жаль!

ПЕРСТЕНЬ.

Старинным, тусклым серебром
Чуть блещет перстень в новом стиле,
Напоминая мне о том,
Как пред разлукой мы грустили.
Любуюсь я его резьбою
И чернью темной, как тоска
О днях, когда я жил тобою,—
Когда была ты мне близка.
Теперь не то. Я одинок.
Но перстень облегчает муки:
В нем счастья нашего залог
С предчувствием конца разлуки.

Бульварные липы в янтарном цвету,
С них запах медвяный струится;
Залетные пчелы жужжат на лету,
И дремлет от жара столица.

Под липами тени лежат на траве —
И солнца лучи не так жарки...
Как будто все это не в душной Москве,
А где-то в запущенном парке.

В моей любви и свет и тени,—
Как ты, я ревностью томим,
Но подозрением в измене
Друг друга мы не оскорбим.

И так нас мучит страх утраты —
Тревожной ревности прилив...
Любить бы вечно не могла ты,
Но лгать не станешь, разлюбив.

ВЕСЕННЕЕ.

Опять нам сердца промахи
Внушает соловей,
И падает черемухи
Душистый снег с ветвей.

Темнеет. Веток прутики,
Как сети, в синеве,
А золотые лютики
И в небе, и в траве!

Скалистый финский кряж щетинится сосною
Над гладью озера. Игрушки—острова
В деревьях крошечных. И светлой глубиною
В воде повторена сквозная синева.

Корнями цепкими обломки скал обвиты,
Меж них в лесную глушь тропинка пролегла,
Где шишки падают на мшистые граниты,
И курится сосны душистая смола.

Сиреневый вечер меж сосен червонных,
Ты с ночью хрустальной напрасно не спорь!..
О, белая сказка мгновений бессонных!
О, нежная встреча двух северных зорь!

Молитвенно молчит завечеревший лес;
Все ели черные, да вереск лиловатый...
И сердце ждет опять несбыточных чудес —
И, молча, молится пред алтарем заката.

ЗВЕЗДОПАД.

Роняя огненные зерна,
Ночь сеет звезды — семена,
И в сталь холодных вод озерных
Глядится неба глубина.

Те зерна золотым посевом
Упали в душу с высоты —
И всходят огненным напевом,
Как отзвук звездной красоты

День тревожный скоро минет:
Он уж сумраком одет,
И, как месяц, сердце стынет,
Отражая мглистый свет...

В этом блеске отраженном
Мало красок и тепла,
Но мечтам обвороженным
Дня дороже эта мгла.

Взглянуть не смея в глубь зеркал,
Я был один в старинном зале,
А вечер паутину ткал —
И в окна сумерки вползали.

Серели тени по углам,
Чуть дребезжали клавесины,
И все мрачней из древних рам
Смотрели темные картины.

О прошлом грезил старый дом,
И, затаив отживших типы,
Мутнели тусклым серебром,
Как взор слепых, дагеротипы.

Звезд не видно. Небо в тучах.
Ночь душна. Ни сна, ни грез.
Лишь полет мышей летучих
Вкруг белеющих берез.

Запах серы. Жажда влаги.
Вот повеяло дождем...
Молний грозные зигзаги —
И бодрящий гром.

Дорожкой парка, сам не зная
Куда, бреду,— ведет тоска,
И тень деревьев вырезная
Дрожит на золоте песка.

Как липы старые велики,
И как зеркальна гладь пруда!..
Тут солнца радостные блики
Тоску рассеют без труда.

И вот уже лежу в траве я —
Барвинок вечно зелен в ней —
И ветер шепчет мне, чуть вея:
И ты душою не старей.

Расцветают цветы странно-белые
В очарованной чаще лесной,
Где шаги замирают несмелые,
И сливается мрак с тишиной.

Там сплетаются тени ажурные,
И таинственный слышится вздох...
В жемчугах мухоморы пурпурные,
Сыроежки да ласковый мох.

Стройных сосен стволы онемелые
Упираются в купол небес;
Расцветают цветы странно-белые,
И молчит очарованный лес.

С. Д. ДРОЖЖИНУ.

Поэт и человек хороший,
Крестьянин — пахарь и певец,
С тобой народ, как Волга с Шошей,
Слился в созвучии сердец.

И от весеннего разлива
Тех песен, что ты нам поешь,
Душа волнуется, как нива,
И наливается, как рожь.

Меж сосен, березок и елок,
Где даже и днем темнота,
Ведет богомольцев проселок
Лесами в святые места.

Стучит убежденно так дятел,
Шумит так таинственно лес...
Кто веры еще не утратил,
Тот много увидит чудес.

В тумане мерещится Китеж,
А в озере звоны гудят...
О, братья, идите, идите ж,—
Уж близок невидимый град!..

Устали и конный и пеший,
Мох стелет в лесу им постель,
И шишки бросает в них леший,
Качая мохнатую ель.

Осенним золотом чуть тронут —
Еще и свеж и зелен сад,
Но все грустней деревья стонут,
И все печальней листопад.

Широколиственные клены
Уже пылают, как в огне,
А старый дуб свой плащ зеленый
Хранит, как память о весне.

Рябины, вянущей, кораллы,
И лип сквозные янтари;
И тех же красок блеск усталый
В сияньи гаснущей зари.

ВАСИЛЬКИ.

Темно-синие звезды на золоте нивы,
Я набрал вас вдоль узкой межи...
Васильки, и в букете вы так же красивы,
Как и в море желтеющей ржи.

Но в неволе бледнеют сапфирные краски,
В лепестках вырезных седина...
Васильки, не дождаться вам солнечной ласки,—
Не очнуться от белого сна!..

Моя опора в жизни здешней,
Покойной матери клюка,
Чуть слышно пахнешь ты черешней —
Волнуя сердце старика.

Благоуханною корою
Твоей дыша, я вижу мать
И ту, чье имя не открою,—
Кого так сладко вспоминать.

Не надо поздних сожалений,—
Я снова пережил весну
И, чуя близость милых теней,
Под шопот прошлого усну.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Памяти отца (факсимиле) 11
Последни снег. 13
Вербы : : 14
Чахлый сквер 15
В больнице. 1 16
2. 17
Весны мы так ждали 18
Рассвет 19
Там, где розы вздыхают 20
В окна льется вечерняя мгла 22
Цепляя веслами кувшинки 23
Сельский храм 24
День знойный 26
Утомленно-спокойное что-то 27
Концерт 28
Зимнее 29
Под пеплом тлеющие чурки 30
Вина пьянее 31
Бессмертие 32
В Москве. 33
Базар шумит. 34
Цвет яблонь 35
Страданья голода 36
Berceuse : : 37
Чего-то жду 38

Из книги «Невольные песни».

Начало зимы 43
Хоть сердце мое по тебе исстрадалось 44
Тоска 45
Ноктюрн 46
Портрет 47
У Балтийского моря . 1. 48
2. 49
Словами высказаться сердце не посмело 50
От'езд : . . . . . : 51
Хризантема 52
Привыкнув к холоду разлуки 53
В гостиной 54
Нашел я в прелестях весны 56
Кобра: 57
Перстень 58
Бульварные липы 59
В моей любви и свет и тени 60
Весеннее 61
Скалистый финский кряж 62
Спреневый вечер 63
Молитвенно молчит завечеревший лес 64
Звездопад 65
День тревожный скоро минет 66
Взглянуть не смея 67
Звезд не видно 68
Дорожкой парка 69
Расцветают цветы 70

С. Д. Дрожжину 71
Меж сосен, березок и елок 72
Осенним золотом чуть тронут 74
Васильки : : : 75
Моя опора в жизни здешней 76

КНИГИ П. Н. ПЕТРОВСКОГО.

«Невольные песни». Москва, к-во «Жатва». 1916.
«Невольные песни». Второе издание, с предисловием Ю Айхенвальда.

} Распроданы.

Третье издание «Невольных песен», исправленное автором, готовится к печати.